

О. Л. АКОПЯН

АСТРОЛОГИЯ МАРСИЛИО ФИЧИНО И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ТРАДИЦИЯ

В статье анализируются астрологические воззрения флорентийского философа Марсилио Фичино, который был родоначальником специфического восприятия магии и астрологии в эпоху Возрождения. Первая часть исследования базируется на текстах, написанных примерно до 1484 года, когда Фичино опубликовал перевод диалогов Платона. Во второй части речь пойдет о трактатах, в большей степени проникнутых духом неоплатонической философии. Первые астрологические опыты Фичино в целом не испытали сколько-нибудь ошутимого влияния неоплатонизма. Хотя к этому моменту флорентийский мыслитель уже многие годы находился «в плену» платоновской философии и наследия «древних теологов», эти источники нашли отражение лишь в нескольких фрагментах «Рассуждения». Но во второй половине 1480-х и позднее ситуация меняется. Вполне вероятно, что только после публикации диалогов Платона в 1484 г. у Фичино появилась возможность полноценно использовать новое для своего читателя учение в собственных трудах, посвященных астрологии.

Ключевые слова: Марсилио Фичино, Платон, Ренессанс, неоплатонизм, астрология, магия.

Астрология играла важную роль в творчестве Марсилио Фичино, крупнейшего итальянского мыслителя XV века и первого переводчика Платона и Плотина на латинский язык. Его переводы и интерпретации Герметического Свода, трудов Платона и его последователей определили не только пути философии раннего Нового времени, но и открыли ранее неизвестные источники для магических спекуляций. Поэтому фигура Фичино значима не только для интересующего нас периода, но и для более отдаленных эпох: влияние флорентийца затронуло учения таких мыслителей, как Коперник, Бруно¹ и Галилей².

Определенная сложность в работе с трудами Фичино заключается в том, что собственно астрологических сочинений он оставил немного. Те тексты, из которых мы можем черпать необходимую для нас информацию, чаще всего посвящены другим вопросам, а магия в них оказывается тесно связанной с теологией, философией и медициной. Это заставляет нас условно разделить весь корпус сочинений Фичино,

¹ Knox 2002; 1999.

² Hankins 2000.

где фигурирует астрология, на три небольшие группы. В первую из них войдут медицинские труды, прежде всего «Совет, как противостоять чуме» и «Три книги о жизни». Вторая группа состоит из неоплатонических сочинений и комментариев Фичино, а третья – из писем и других произведений «малой формы». Несмотря на весьма внушительный объем, к последнему разделу относится «Рассуждение против прорицаний астрологов» – сборник заметок и черновиков об астрологии, который при жизни автора так и не был издан.

Разумеется, астрологические мотивы встречаются и в других текстах Фичино, например, в «Платоновском богословии о бессмертии душ»³, трактате «О христианской религии»⁴ и многочисленных комментариях на диалоги Платона, однако, к сожалению, объять весь этот массив не представляется возможным. Поэтому это исследование не может претендовать на полноту, однако способно определить основные направления мысли Марсилио Фичино.

Первым полноценным опытом Фичино в астрологии⁵ следует считать «Рассуждение против прорицаний астрологов». Этот текст, который остался в рукописном виде и не вошел в официальное собрание сочинений Фичино, был открыт Х. Бароном, который указал на него в своей статье 1927 года⁶. Чуть позже латинский оригинал под редакцией Барона⁷ вошел в сборник «*Supplementum Ficinianum*», который в 1937 г. подготовил другой крупнейший исследователь итальянского Возрождения П.О. Кристеллер⁸. Поскольку точной датировки трактата не существует, о ней в историографии существуют определенные споры. Барон и Кристеллер считали, что «Рассуждение» было создано около 1477–1479 гг. На это указывают некоторые косвенные свидетельства: в не-

³ Недавно этот труд был дважды издан и переведен на европейские языки. Не стоит также забывать о старом издании Р. Марселя. См.: *Ficino* 1964–1970; 2001–2006; 2011.

⁴ В отличие от «Платоновского богословия» упомянутый трактат издается неохотно. Критического издания до сих пор не существует. Единственный перевод на современный язык – итальянский – см. в: *Ficino* 2005. Латинский текст см. по: *Marsilii Ficini florentini de Christiana religione liber...* 1576. P. 1–77.

⁵ Речь идет о форме трактата. Отдельные упоминания об астрологии встречаются в письмах Фичино, датированных еще концом 1450-х гг. См.: *Clydesdale* 2011.

⁶ *Baron* 1927.

⁷ *Kristeller* 1937. P. 11: «Editionem praeparavit Baron cuius transcriptiones iterum cum codice contuli nonnulla vel adiungens vel omittens quae videlicet in aliis Ficini scriptis repetuntur».

⁸ *Ibid.* P. 11–76. Существует один полный современный перевод этого труда: *Ficino* 1999. P. 49–174.

скольких письмах этого периода он признается своим корреспондентам, что работает над сочинением, посвященным опровержению астрологии⁹. Однако подобная трактовка устроила далеко не всех исследователей. В своей статье, получившей довольно общее название «Фичино и астрология» и опубликованной в 1986 г., Д. Уокер предположил, что «Рассуждение» непосредственным образом повлияло на «Рассуждения против прорицательной астрологии» Джованни Пико делла Мирандола¹⁰. Интересно, что в начале статьи Уокер в лучших традициях средневековых и ренессансных авторов довольно уничижительно высказывается о своей компетентности в данном вопросе¹¹, что, правда, не мешает ему прийти к выводу, что «Рассуждения» Фичино и Пико разделяют всего лишь один-два года, а, следовательно, первый повлиял на второго. Основным доводом Уокера становится сходство названий и общая антиастрологическая направленность обоих трудов. К сожалению, никаких опровержений доказательств, которые ранее привели Барон и Кристеллер, английский исследователь не приводит.

С одной стороны, догадка Уокера, несомненно, позволила бы создать иерархию философов в ренессансной Флоренции, где Фичино явно превосходил бы Пико, а заодно разрешить проблему противоречий, будто бы существующих между трактатом «О жизни» и «Рассуждением», если принять его раннюю датировку. Уокер считает, что если «Рассуждение» было написано в поздний период творчества, то его автор не мог пройти мимо веяний времени¹² (неудивительно, что в соответствующем пассаже он упоминает Савонаролу), и тогда подобный поворот в отношении к астрологии, по его мнению, понятен.

Несмотря на очевидное удобство такой конструкции, она вряд ли соответствует действительности. Кроме весьма умозрительного сходства названий, никаких доказательств в свою пользу Уокер, в отличие от оппонентов, не приводит. Неудивительно, что к его точке зрения современные исследователи относятся скептически и в целом признают датировку Барона и Кристеллера. Хотя справедливости ради надо заметить, что у нас нет никаких доказательств того, что Фичино никогда не показывал свои записи Джованни Пико.

Если мы принимаем традиционную датировку «Рассуждения», то всего через пару лет, в 1481 г., Фичино составил первое самостоятель-

⁹ См. *Кудрявцев* 2008. С. 363.

¹⁰ *Walker* 1986. P. 341-349.

¹¹ *Ibid.* P. 341.

¹² *Ibid.* P. 342.

ное медицинское сочинение, которое получило название «Совет, как противостоять чуме»¹³. В это же время Фичино начал работать над другим, более известным трактатом – «Тремя книгами о жизни», поэтому эти труды связывает не только общий предмет, но и история создания.

Но, в отличие от более известного трактата Фичино, «Совет» посвящен частной, а не общей проблеме. Дело в том, что в 1478–79 гг. на Италию обрушилась новая эпидемия чумы, поэтому Фичино, по его собственным словам, решил составить руководство по тому, как надо бороться с заразой; а поскольку эпидемия задела не только богатых и знатных жителей Флоренции, но и бедняков, он написал свой текст на *volgare*, дабы «каждый мог бы его понять и с его помощью лечиться»¹⁴. Более того, при написании «Совета» Фичино руководствовался личным интересом: в начале трактата он указывает, что вдохновляется примером своего отца, а не только писаниями древних и современных медиков¹⁵. По всей видимости, отец Фичино в середине XV в., в пору своей работы врачом при госпитале Санта Мария Нуова, находился «на передовой» борьбы с эпидемией. Упоминая отца, Марсилио, видимо, подчеркивает свое стремление уподобиться отцу¹⁶.

Надо сказать, что жанр, выбранный Фичино, был отнюдь не нов. Он возник в середине XIV в., когда Европа впервые познакомилась со смертельной болезнью. Ряд крупных итальянских медиков, которые руководствовались теми же побуждениями, что и Фичино, создали подобную форму трактата, специально посвященного борьбе с чумой¹⁷. Среди них были Таддео Альдеротти, который считается зачинателем жанра, Джентиле да Фолиньо, Томмазо дель Гарбо и др. В своих интерпретациях возникновения чумы эти мыслители ориентировались на наиболее выдающихся медиков прошлого – Галена и Авиценну, однако не пренебрегали и астрологическими интерпретациями. Как замечает Т. Катинис, поскольку появление «черной смерти» на средневековом Западе в целом хронологически совпало с проникновением арабской астрологии, удивляться стремлению найти не земные, а небесные объяснения возникновению чумы не стоит.

Когда в конце XV в. в Италии вновь разразилась эпидемия, число трактатов подобного жанра резко возросло. Свой «совет» составил

¹³ *Katinis* 2007. Издание текста предваряется полноценным монографическим исследованием.

¹⁴ *Consiglio di Marsilio Ficino fiorentino contro la pestilentia* // *Ibid.* P. 159.

¹⁵ *Ibidem.*

¹⁶ *Ibid.* P. 78-79.

¹⁷ Об истории жанра см.: *Ibid.* P. 29-53.

флорентийский врач Антонио Бенивьени, брат более известного философа Джироламо Бенивьени. Интересно, что один из списков его труда «О чуме» был посвящен непосредственно Лоренцо Медичи. В 1479 г. латинскую версию собственного сочинения (тоже, к слову, адресованного Лоренцо) с таким же названием подготовил Джованни Калори¹⁸. Кроме Флоренции, пик интереса к врачеванию чумы был отмечен в Болонье, где свои рецепты борьбы с заразой, правда, не слишком отличавшиеся от уже известных, подготовили Джироламо Манфреди и Якопо Сольди. Наконец, в том же 1479 г. впервые была издана печатная версия «Совета» Джентиле да Фолиньо. Неудивительно, что при таком обилии текстов труд Фичино затерялся. Полностью он увидел свет только в 1481 г., когда чума уже давно сошла на нет, хотя, как предполагает Т. Катинис, отдельные фрагменты могли ходить по Флоренции в рукописях и раньше¹⁹.

Спустя восемь лет Фичино вновь обратился к вопросу о применении астрологии в медицинских целях в трактате «О жизни»²⁰. Правда, в этот раз он отошел от того, чтобы следовать средневековым канонам. Только в данном сочинении Фичино впервые демонстрирует прямое влияние неоплатонизма на его магиго-астрологические взгляды — более ранние труды его были лишены не только по форме, но и по содержанию. Причиной такого поворота следует считать работу Фичино над переводом «Эннеад» Плотина²¹.

Несмотря на то, что издание этого важнейшего философского текста Античности увидело свет только в 1492 г.²², интерес ренессансных мыслителей к нему имеет давнюю историю. Еще в первой половине XV столетия во Флоренции хождение получили сразу два списка «Эннеад»²³. Один из них принадлежал Палла Строцци, к которому рукопись перешла после смерти в 1415 г. его учителя Мануила Хрисолора, в 1397 г. специально приглашенного во Флоренцию Колюччо Салютати преподавать греческий язык. В 1434 г. Строцци был изгнан из Флоренции и обосновался в Падуе, где проживал вплоть до кончи-

¹⁸ Этот рукописный текст до сих пор не опубликован.

¹⁹ Об истории распространения текстов, посвященных чуме в 1478–1479 гг. см.: *Katinis* 2007. P. 94.

²⁰ Этот знаменитый трактат неоднократно публиковался. Наиболее авторитетным изданием считается работа К. Каске и Дж. Кларка: *Ficino* 1998.

²¹ *Marsilii Ficini florentini in Plotini epitomae // Marsilii Ficini opera*. 1576.

²² Об истории издания «Эннеад» см.: *Kristeller* 1937. P. CXXXVI CXXXIX; *Toussaint* 2005; *Кудрявцев* 2008. С. 72–78.

²³ Об истории рукописей см.: *Saffrey* 1996.

ны в 1462 г. Перед этим он успел завещать свое собрание бенедиктинскому монастырю святой Юстины, где оно хранилось до начала XVI в., пока кардинал Ридольфи, племянник папы Льва X, не присвоил его. Известно, что затем библиотека Ридольфи перешла в ведение Пьеро Строцци, погибшего в 1558 г., после чего оказалась в Париже.

Второй же список для Никколо Никколи во Флоренцию доставил Джованни Ауриспа. После смерти Никколи всю его библиотеку приобрел Козимо Медичи. Именно с рукописью из этого собрания, а точнее с копией этой рукописи, ныне хранящейся в Парижской Национальной библиотеке²⁴, работал Марсилио Фичино.

Неизвестно, когда Фичино впервые взялся за перевод «Эннеад»²⁵, но несомненно, что к началу полноценной работы над сочинением Плотина были готовы и «Платоновское богословие о бессмертии душ», и Платоновский корпус. Поэтому традиционно считается, что это произошло не ранее марта 1484 года. В предисловии к «Эннеадам» Фичино заявляет, что перевести труд Плотина его побудил Джованни Пико дела Мирандола²⁶. Судя по его письмам, работа продолжалась около 22-х месяцев, а уже 17 января 1486 года он признавался врачу семейства Медичи Пьер Леоне да Сполето в том, что перевод готов²⁷. Однако в этой эпистоле Фичино замечает, что текст нуждается в тщательной редактуре: из исследования А. Уолтерса следует, что вариант 1486 года и окончательная версия, отданная в печать в 1492 г., довольно сильно различались²⁸. В это же время, кроме составления комментариев к «Эннеадам», Фичино не менее активно работал над трактатом «О жизни».

Это сочинение состоит из трех частей: «О здоровой жизни», «О продолжительной жизни» и наиболее известной «О стяжании жизни к небесам»²⁹. Первый фрагмент был составлен еще около 1480 г., т.е., как было сказано выше, параллельно с «Советом». По словам самого Фичино, на написание текста «О здоровой жизни» его подвигло чтение трак-

²⁴ Анализ этой рукописи см. в: *Förstel* 2006.

²⁵ Со слов самого Фичино, мы знаем, что еще в 1460-х гг. Козимо преподнес ему не только рукописи с диалогами Платона, но и манускрипт с «Эннеадами»: *Toussaint* 2005. P. 1.

²⁶ *Marsilii Ficini florentini in Plotini epitomae // Marsilii Ficini opera*. P. 1537. См. также: *Кудрявцев* 2008. С. 72.

²⁷ «Accipe nonnullos quos hic expectabas Plotini libros, heri omnibus transferendis finem posui» (*Ficini Epistolarum liber VIII. 24 // Marsilii Ficini opera*. P. 874). Об процессе перевода см.: *Toussaint* 2005. P. I—II.

²⁸ *Wolters* 1986.

²⁹ Об истории создания этого сочинения см. *Kristeller*. 1937. P. LXXXIII—LXXXIV.

тата «О замедлении старения» знаменитого средневекового медика Арнальда из Виллановы³⁰. Два других датируются 1489 годом; при этом «О стяжании жизни с небес», который Фичино планировал представить в качестве комментария к 11 главе третьей книги четвертой «Эннеады», он составил до фрагмента «О продолжительной жизни». Но к 10 июля 1489 г. флорентиец отделил «О стяжании жизни с небес» от комментария к «Эннеадам» и посвятил эту часть итогового трактата «О жизни» венгерскому королю Матьяшу Корвину. «О продолжительной жизни», готовый к августу 1489 года, предваряется посвящением Филиппо Валори. Почти сразу после этого Фичино опубликовал весь текст трактата.

Уже по истории создания этого текста можно понять, что он неоднороден. Книга «О здоровой жизни» представляется более традиционной и, в целом, менее подверженной новым веяниям, чем «О стяжании жизни с небес». Несмотря на некоторые очевидные платонические коннотации, первая часть вряд ли может считаться новым словом в истории медицины. Примерно то же самое справедливо применительно ко второй книге. Что же касается третьего фрагмента, то, напротив, неоплатонические влияния, в том числе при использовании магических практик, отразились в нем в гораздо большей степени.

Пожалуй, не менее явно неоплатоническое прочтение астрологии просматривается в трактате «О Солнце», написанном в 1492 г.³¹ Его естественным дополнением служит примерно такое же по объему сочинение «О свете»³², которое, в отличие от своего более известного «собрата», до сих ни разу не было опубликовано на современных европейских языках и, видимо, потому по-прежнему остается вне поля зрения многих исследователей. Оба текста посвящены неудачливому сыну Лоренцо Медичи Пьеро, который принял управление городом после смерти знаменитого отца, но вскоре был вынужден покинуть Флоренцию. При этом Фичино ясно дает понять, что трактат «О свете» является прямым и логическим продолжением трактата «О Солнце» и по всей видимости был написан сразу после него³³.

³⁰ Кудрявцев 2008. С. 81.

³¹ В современных изданиях трактата нет параллельного латинского текста, поэтому обратимся к: Marsilii Ficini in librum de Sole ad magnanimum Petrum Medicem // Marsilii Ficini opera. P. 965-975. Наиболее комментированный перевод: Ficino. Libro del Sole di Marsilio Ficino, al magnanimo Piero de' Medici. P. 185-215.

³² Marsilii Ficini in librum de Lumine ad magnanimum Petrum Medicem // Marsilii Ficini opera. P. 976-986.

³³ «Cum opusculum de Sole tibi clarissime Petre destinavisset, meministi paulo post iamdiu me de lumine libellum composuisse» (Marsilii Ficini in librum de Lumine. P. 976).

Исследователи давно обратили внимание на то, что отношение Фичино к астрологии не было простым. По мнению некоторых ученых, его воззрения отличались двойственностью. Об этом, в частности, заявляет в своей монографии О.Ф. Кудрявцев, цитируя письмо Фичино к Лоренцо Медичи³⁴. Утверждения о непоследовательности Фичино основываются прежде всего на том, что его относительно раннее сочинение «Рассуждение против прорицаний астрологов» было, несомненно, направлено против предсказателей, но уже ближе к закату своего творческого пути Фичино как будто изменил этим взглядам и использовал астрологию в «Трех книгах о жизни», а также создал астрологическую картину мира в трактатах «О Солнце» и «О свете». Однако, на мой взгляд, этот тезис не совсем соответствует действительности. На основе главных трудов Фичино, где говорится о магии и астрологии, я постараюсь показать, что флорентийский философ создал синкретическую теорию, в рамках которой пытался соединить неоплатонические импульсы с христианским учением и средневековой астрологической традицией. Более того, по моему мнению, основа подобного объединения оставалась неизменной, хотя отрицать развитие астрологических представлений Фичино в течение многих лет было бы по меньшей мере наивно.

Кроме того, не стоит забывать о том, что астрологические воззрения Фичино нельзя рассматривать в отрыве от теории о «древней теологии»³⁵. Во введении к трактату «О христианской религии» Фичино замечает, что божественные воля и мудрость отражаются в учениях тех народов, которые к христианству отношения не имеют: он перечисляет еврейских пророков, «персидских жрецов-магов», индийских брахманов, галльских друидов и многих других «древних теологов». При этом Фичино подчеркивает две вещи: во-первых, все те, кому высокое знание о Боге оказалось доступно, были людьми учеными; и, во-вторых, они принимали участие в сакральных церемониях, выполняли функции жрецов, и занимались прочими вещами, простым смертным недоступными³⁶. Под этим Фичино, несомненно, понимает высокое оккультное знание, которое является прерогативой истинных магов. Более того, он полагает, что Платон, переводу и комментированию

³⁴ Кудрявцев 2008. С. 357.

³⁵ О ее формировании, в том числе благодаря переводам теургических и философских текстов Античности см.: Акоюн 2013.

³⁶ Marsilii Ficini Florentini de Christiana religione liber, ad Laurentium Medicem Patriae servatorem. Prooemium // Marsilii Ficini opera. I. P. 1.

нию которого он посвятил многие годы своей жизни, аккумулировал это знание и полноценно раскрыл его в своих диалогах, а позже передал его своим последователям. В знаменитом фрагменте из трактата «О христианской религии», где Фичино перечисляет «древних теологов», он замечает, что настоящий смысл платоновского учения был раскрыт только благодаря христианам, которые обнаружили сходство между ним и своей религией. Это приводит Фичино к предположению, что наиболее важные «мистерии» неоплатоников обнаруживаются еще в Евангелии и у Отцов Церкви³⁷. Но обнаружение всех этих многочисленных связей между «древними теологами», платониками и христианством приводят к радикальному изменению статуса магии: она теперь понимается не как помощница религии (как это было в Средние века), но как ее предтеча. Тот оккультизм, о котором говорит Фичино, не нуждается в согласовании с христианской догматикой, поскольку, по мнению флорентийского мыслителя, у них общие корни и основания. Задача философа – лишь обнаружить их и верно интерпретировать; в случае успеха он сам может стать магом.

Несомненно, такое представление о магии сильно отличалось от средневековых воззрений. Однако, как я постараюсь показать дальше, во многих случаях астрология у Фичино выступает в более традиционном виде. При всей новизне – для средневекового и ренессансного читателя, разумеется, – своего взгляда на проблему Фичино не ограничивается одним подходом и в разных ситуациях прибегает к другим интерпретациям, тем не менее подчеркивая свой главный тезис: астрология и магия не находятся в противоречии с христианством и могут быть полезными как в догматических вопросах, так и в практическом применении, например, медицине.

Следуя хронологии, начнем наш анализ с «Рассуждения против прорицаний астрологов». Согласно мнению, широко распространенному в литературе, Фичино в этом трактате пытается доказать, что астрология противоречит свободе воли и божественным установлениям и потому не может считаться легитимной. Хотя доля истины здесь есть, позиция Фичино представляется мне заметно более сложной.

Действительно, прежде всего Фичино утверждает, что сторонники детерминированности любого частного события допускают три основные ошибки: они сомневаются во всеилии Бога; предполагают, что ангелы движут небесами таким образом, чтобы от этого зависела человеческая жизнь; и предвещают хорошему человеку зло, а плохому

³⁷ Ibid. XXII. P. 25.

– добро³⁸. Флорентиец подчеркивает, что магистральная ошибка астрологов заключается в стремлении предсказать частное, то есть любой поступок из жизни человека. В пример таким астрологам он приводит сивилл, которые, по его мнению, всячески избегали этого и ограничивались лишь самыми общими предсказаниями. Фичино не сомневается, что своим стремлением проникнуть в будущее астрологи бросают вызов самому Богу³⁹. По его мнению, Бог как Творец хранит в сердце Своем все Им сотворенное, любит его и желает ему всяческого добра; соответственно, каждая вещь земного мира имеет прообраз в сердце Бога, который по Своей воле создает ее должным образом⁴⁰. Интересно, что в качестве аллегорического объяснения этой мысли Фичино называет Бога Солнцем, как будто предвещая трактат «О Солнце», в котором подобные сравнения будут встречаться неоднократно.

Но свою задачу Фичино не сводит к подробному пересказу уже достаточно хорошо известных топосов. Его волнует не столько ложность астрологических практик или ошибочность астрологии в целом, сколько привязанность прорицаний к «случаю». И именно этот термин раскрывает некоторые философские и даже, можно сказать, личные причины, по которым Фичино решил взяться за работу над «Рассуждением». В одном из фрагментов он с жаром обрушивается на Лукреция, обвиняя автора поэмы «О природе вещей» в желании объяснить рождение мира простым случаем. Весь этот довольно большой пассаж⁴¹, написанный в форме диалога с оппонентом, где Фичино высмеивает абсурдность мысли, будто прекраснейшие здания и скульптуры появляются случайно, без какого-либо предварительного проекта, а природные явления не имеют никаких причин, несомненно, отражает трансформацию самого Фичино как мыслителя. Нам хорошо известно, что в молодости Фичино находился под большим влиянием Лукреция. Результатом этого стал трактат «О наслаждении», который представляет собой довольно поверхностное изложение основных мыслей эпикурейской школы⁴². Однако после знакомства с платонической философией Фичино стал противником эпикуреизма, что неоднократно

³⁸ Marsilii Ficini Florentini disputatio contra iudicium Astrologorum // Marsilii Ficini opera. I. P. 781.

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Ficinus M. Disputatio contra iudicium Astrologorum // Kristeller. 1937. P. 12-13.

⁴¹ Ficino M. Platonic theology. Vol. 2. P. 200-206.

⁴² Это сочинение, вошедшее в *Opera omnia* Фичино до сих пор не было издано критически. См.: Marsilii Ficini florentinis adhuc adolescentis, Liber de Voluptate, ad Anthonium Canisianum, civem Florentinum // Marsilii Ficini opera. I. P. 987-1012.

проявлялось в его крупных философских трудах, в первую очередь в «Платоновском богословии о бессмертии душ»⁴³. Как мы видим, в «Рассуждении» астрология как вера в случай становится тесно связанной с ненавистным для зрелого Фичино увлечением юности. Соответственно, все дальнейшие нападки Фичино на астрологию следует рассматривать сквозь призму подобного отношения не столько даже к самим прорицаниям, сколько к случаю в эпикурейском значении этого слова. Неудивительным в таком контексте кажется то, что говоря о ложности астрологии, Фичино всячески стремится указать на существование некоей полноценной структуры бытия, которая наделена смыслом свыше, хотя ни арабские, ни средневековые астрологи никогда не говорили о бессмысленности или неустроенности мира.

Борьба Фичино со случаем объясняет весь дальнейший ход его мыслей. С одной стороны, ссылаясь на Священное Писание и многочисленные авторитеты, включая Платона, Филона Александрийского и других, он говорит о безграничной свободе воли человека, которая не входит в противоречие с божественным Провидением⁴⁴. Но, с другой – он выступает против тех астрологов, кто пытается по одному лишь признаку, то есть полагаясь на случай, предсказать всю жизнь человека. В подтверждение своих слов он ссылается сразу на несколько произведений Клавдия Птолемея, который неоднократно порицал астрологов, рассчитывающих гороскоп только по положению небесных сфер и не учитывающих все прочие важные факторы. Приводя в качестве дополнительного подтверждения суждения Аль-Фараби, Авиценны и некоторых других мыслителей, Фичино прямо заявляет, что существует несколько видов и уровней причин, каждая из которых непосредственным образом влияет на итоговое явление. Он уверен, что вся эта многообразная причинно-следственная структура, включающая в себя все возможные элементы, восходит к Богу, ведающему в том числе и случайностями. Более того, опять же вслед за разнообразными авторитетами, Фичино заявляет, что указания звезд на какой-либо исход некоего события не считаются обязательными; а из-за множества факторов, влияющих на конечный результат, производимые эффекты практически невозможно предсказать точно⁴⁵. Но все эти рассуждения побуждают поставить вопрос: насколько Фичино от-

⁴³ О критике Лукреция см.: *Snyder* 2011. Лучшее исследование о наследии Лукреция в ренессансной Флоренции: *Brown* 2010.

⁴⁴ *Ficinus M. Disputatio contra iudicium Astrologorum*. P. 15-16.

⁴⁵ *Ibid.* P. 19-24.

рицает саму астрологию? Или объектами его критики становятся лишь нерадивые астрологи, которые поверхностно и неумело занимаются предсказаниями?

Ответ кроется во второй части «Рассуждения», которая состоит из коротких глав, специально посвященных практической астрологии. В них встречаются повторения, а сами заметки Фичино довольно сумбурны и кратки, однако они дают представление о том, насколько флорентиец хорошо разбирался в астрологии.

Прежде всего Фичино замечает, что далеко не все астрологи подерживали мысль о небесной детерминированности человеческой жизни. Среди сторонников такого подхода он опять же называет Птолемея, который действительно выступал за то, чтобы не ограничиваться исключительно расположением звезд⁴⁶. Более того, Фичино указывает, что Птолемей, а вслед за ним и его главный комментатор – Хали ибн Ридван (Авенродан – в латинской традиции)⁴⁷, высказывали мнение, согласно которому ученый муж способен подчинять себе небеса⁴⁸. Эта точка зрения, без сомнения, была чрезвычайно близка Фичино.

Повторив в нескольких главах, что христианская религия берет начало не от небес, а только от одного Бога⁴⁹, Фичино обращается к астрологическим техникам. Пожалуй, для тех, кто по-прежнему считает верным предположение Уокера о датировке «Рассуждения», эти фрагменты сослужили бы хорошую службу — многие главы прямо перекликаются с содержанием отдельных фрагментов «Рассуждений против прорицательной астрологии» Пико делла Мирандола. Тем не менее между этими текстами существуют заметные различия. Они касаются как оценки отдельных практик, так и использования разных авторитетов. К тому же нельзя исключать, что поскольку «Рассуждение» Фичино композиционно не едино, а точная дата создания окончательного текста в том виде, в каком он был издан Бароном и Кристеллером, нам неизвестна, вторую часть флорентиец вполне мог дописать уже после появления на свет «Рассуждений» Пико. Впрочем, к подобным предположениям, пусть привлекательным своей новизной, следует относиться с большой осторожностью.

⁴⁶ Ibid. P. 30-31.

⁴⁷ Хали ибн Ридван (ок. 998 – ок. 1061) – египетский астролог. Был известен в Европе как Авенродан или Хали Хебен Родан. О нем см.: *Seymore* 2001.

⁴⁸ *Ficinus M. Disputatio contra iudicium Astrologorum*. P. 32-33.

⁴⁹ Соответствующие главы из «Рассуждения» совпадают с эпистолами из *Opera omnia*. См.: *Marsilii Ficini opera*. I. P. 849-851.

Свой анализ практических предсказаний Фичино начинает с того, что принимает одну из астрологических доктрин – об одушевленности звезд. С одной стороны, это неудивительно, учитывая приверженность Фичино неоплатонизму. Однако доводы, которые он приводит в пользу такого мнения, могут показаться интересными. Прежде всего Фичино обращается к двум рассуждавшим на эту тему астрологам – Абу Машару и Сахлю ибн Бишру, в западной традиции известному как Захель или Заель⁵⁰. Пожалуй, Фичино в этой доктрине привлекает то, что астрологи утверждают изначальную благодать мироздания, поскольку рациональная душа, согласно им, несет в себе только положительный заряд и лишена зла. Его даже не смущает приводимая им самим цитата из комментария Иеронима на Книгу Екклесиаста, где Отец Церкви проклинает сторонников представления об одушевленности звезд. Обойти эту преграду Фичино удается при помощи утверждения, что под душой звезд имеется в виду нечто, намного превосходящее человеческую душу, и потому не подверженное греху и движущее человечество в верном направлении⁵¹.

Тем не менее в остальном астрологи, по мнению Фичино, противоречат друг другу. Как замечает флорентийский философ, они расходятся в вопросах о природе планет и об их восхождении в разных знаках Зодиака, а также в других вопросах⁵². При этом Фичино как впоследствии и Пико) противопоставляет Птолемея его последователям и комментаторам из арабского мира, прежде всего Альбумазару. Кроме персидского астролога, в «Рассуждении», а позднее в трактате «О жизни», он упоминает еще некоего астролога Альбиуса, идентифицировать которого пока не представляется возможным. Однако, по словам Фичино, именно этот Альбиус вступил в заочный спор с Птолемеем о наименовании планет; а другой видный астролог, Ал-Кабици, предложил собственную схему восхождения планет в отдельных знаках Зодиака. Примерно такие же расхождения между астрологами Фичино обнаруживает и по другим вопросам, например, по поводу восходящего градуса знака Зодиака; при этом он сам допускает некоторую неточность, связывая понятия срединного неба с восходящим градусом. Также Фичино вопрошает, по какому принципу астро-

⁵⁰ Интересно, что этот еврейский астролог (ок. 786–845?) практически не упоминается у Пико. В то же время ссылки на него у Фичино достаточно часты.

⁵¹ *Ficinus M. Disputatio contra iudicium Astrologorum*. P. 33.

⁵² «Astrologi inter se dissentiunt. Dissentiunt astrologi de naturis et terminis planetarum et exaltationibus et hileg» (*Ibid.* P. 36).

логи придают планетам какие-то характеристики или наделяют некоторые из них противоречащими друг другу функциями.

Но, в отличие от Джованни Пико, которого подобные нестыковки в астрологическом учении привели к выводу о ложности предсказательных практик, Фичино оказался более «либеральным». В результате своего анализа он пришел к двум заключениям. Согласно первому из них, астрология не может считаться наукой, поскольку настоящая наука оперирует только четко определенными понятиями и результатами⁵³. Астрология же, напротив, подразумевает множество трактовок и основывается только на частных, не репрезентативных примерах. Кроме того, на основе фрагментов текста можно сделать вывод, что Фичино причислял к науке только те области знания, результат которых подвергается эмпирической верификации – подобное мнение, несомненно, выглядит весьма современно.

Второй вывод сводится к тому, что любое предсказание сделать чрезвычайно сложно. По мнению Фичино, каждое явление и событие сопровождается множеством разнообразных и зачастую противоречащих друг другу знаков, а проследить все из них и дать им верную интерпретацию – задача почти невыполнимая. Особую трудность для предсказателей представляет то, что учесть в гороскопе или иных астрологических практиках все многообразие небесных тел попросту невозможно⁵⁴. Более того, поскольку в мире невозможны полностью совпадающие по всем параметрам события, астрологу необходимо тщательно изучать каждое из них, а это явно находится за гранью простых человеческих способностей; к тому же найти какое-либо эмпирическое подтверждение своих выводов астрологи не способны⁵⁵.

Эта определенная апология астрологических занятий, которые, по мнению Фичино, могут быть зачастую ложны из-за неразрешимых трудностей, приводит нас к выводу, весьма близкому тем заключениям, к которым пришла в одной из своих статей П. Орнелла Фаракови⁵⁶. Судя по «Рассуждению», Фичино не является противником астрологии как таковой, а выступает против астрологов, не способных дать полную, исчерпывающую картину того события, которое они пытаются интерпретировать. Не стоит удивляться, что Фичино неоднократно ссылается на Птолемея, который в «Четверокнижии» высказывал схо-

⁵³ Ibid. P. 33-34.

⁵⁴ Ibid. P. 48.

⁵⁵ Ibid. P. 48, 50.

⁵⁶ *Pompeo Faracovi* 2004.

жие воззрения. Кроме того, нигде в «Рассуждении» Фичино прямо не заявляет о ложности именно самой астрологии, всегда оговариваясь, что подразумевает допускающих неточности астрологов.

Однако Фичино предлагает возможный выход из этой ситуации. Чуть выше я уже упоминал об образе покоряющего небеса ученого мужа, который Фичино в данном случае позаимствовал из трудов Птолемея и Хали ибн Ридвана. Только такой мудрец, уже появившийся на страницах трактата «О христианской религии», способен верно использовать богатые возможности астрологии, не исказив их и должным образом интерпретировав. Неудивительно, что в «Рассуждении» Фичино несколько раз упоминает «древних теологов», правда, не вдаваясь в какие-либо подробности.

Таким образом, в «Рассуждении против прорицаний астрологов» Фичино критикует астрологов, указывая на противоречия между ними и на их многочисленные ошибки. По его мнению, астрологические спекуляции страдают от того, что предсказатели обращают внимание только на небесную конфигурацию, полностью игнорируя все прочие важные факторы. Придерживаясь мнения, схожего с позицией Птолемея, флорентийский мыслитель призывает настоящего астролога выйти за границы привычного знания, и образ мага-философа становится для этого путеводной звездой. В данном случае Фичино ничего не говорит о том, что астрология, верно используемая и интерпретируемая, противоречит христианству; наоборот, все обвинения звучат в адрес астрологов, дерзко считающих себя провидцами будущего. Но «настоящие» предсказания, по Фичино, не находятся в конфликте с религией, выполняя роль знаков, подтверждающих ее основные постулаты.

Спустя некоторое время Фичино написал «Совет, как противостоять чуме» – трактат, принадлежащий большой традиции медицинской литературы Средних веков. Стоит заметить, что он не отошел от нее и в использовании астрологии.

В начале сочинения Фичино разъясняет природное происхождение чумы – «ядовитого пара, рассеянного в воздухе и враждебного живительному духу»⁵⁷. После общих рассуждения он, по образцу предшественников, обращается к небесным причинам возникновения этого заболевания. В начале второй главы Фичино объясняет эпидемию при помощи теории «великих конъюнкций» – арабской астрологической практики, которая была широко известна на средневековом Западе. По мнению астрологов, в ходе истории, обычно через большие

⁵⁷ *Katinis* 2007. P. 159.

промежутки времени, основные планеты (Юпитер, Сатурн и Марс) сходятся в Луне или Солнце таким образом, что предвещают великие потрясения. И Фичино уверен, что чума 1478–79 гг. может считаться таковым. Он указывает, что в эти годы две наиболее негативные планеты – Марс и Сатурн – приобрели максимальную силу в «человеческих знаках» и распространили свою разрушительную природу на человеческий род⁵⁸. Разумеется, приводя такое объяснение эпидемии, Фичино не мог не соотносить его с «великой конъюнкцией» 1345 года, при помощи которой его предшественники интерпретировали причины «черной смерти», конечно же, уже после ее окончания. Но Фичино, еще совсем недавно работавший над «Рассуждением против прорицаний астрологов» и осуждавший звездочетов за однобокую трактовку любого события, стремится этих ошибок избежать. Поэтому он выражает уверенность, что подобные бедствия были бы невозможны без природных причин, в первую очередь без яда, возникающего из-за действия ветров и вредных паров, постепенно опускающегося из верхних слоев воздуха и от этого получающего дополнительную силу. По мнению Фичино, такие процессы проходят быстрее в том случае, когда небесная конфигурация этому способствует. Кроме того, вслед за античной и средневековой традицией он утверждает, что существуют люди, более подверженные астральным влияниям. Для того, чтобы понять, кто это, астрологу необходимо верно соотнести универсальное предсказание с личным гороскопом⁵⁹.

Из этого Фичино выводит ряд вполне традиционных средневековых заключений о предрасположенности человека к заболеваниям. Он обращается к представлению о четырех видах желчи, которые определяют характер человека⁶⁰. В некоторых случаях свойства желчи зависят от расположения планет: наиболее характерным примером такого подхода служит упоминание об изменении крови в зависимости от положения Солнца⁶¹. Кроме того, Фичино упоминает разные сочетания планет, обычно с Луной и Солнцем (но не имеющие отношение к «великим конъюнкциям»), которые представляются ему положительными или негативными. Особенно он выделяет конфигурации с Луной: Т. Катинис объясняет это тем, что Луна была традиционно связана с холодной и влажной природой, а при сочетании с наиболее

⁵⁸ *Ficino M. Consilio di Marsilio Ficino fiorentino contro la pestilentia.* P. 160.

⁵⁹ *Ibid.* P. 162-163.

⁶⁰ *Ibid.* P. 163.

⁶¹ *Ibid.* P. 174-175.

влиятельными светилами – Солнцем, Сатурном и Марсом – эти потенциально негативные качества нивелируются⁶².

Как видно из фрагментов, где речь идет об астрологии, Марсилио Фичино ничем не проявляет своего интереса к «новым» авторитетам — Гермесу, Платону и прочим. Он всецело находится в рамках средневековой астрологической традиции. Более того, позволю себе заметить, что Т. Катинис, написавший прекрасное введение к опубликованному им тексту «Совета», сильно преувеличил платоническое воздействие конкретно на этот трактат Фичино. Не вдаваясь в анализ медицинских аспектов «Совета», в которых, надо признать, с Катинисом невозможно соперничать, замечу лишь, что имя Платона (не говоря уж о других, вновь открытых мыслителях) в самом тексте трактата не упоминается ни разу; в то же время Фичино находит возможность сослаться на нескольких ведущих средневековых итальянских медиков и натурфилософов (особенно выделяя Пьетро д'Абано и Джентиле да Фолиньо) и даже коснуться расхождений в методах врачевания итальянской и испанской школ.

Примерно так же Фичино обходит вниманием возрождаемый им платонизм в другом сочинении, которое появилось год спустя. Небольшой трактат «О звезде волхвов» был написан в 1482 году, и в *Opera omnia* он располагается в разделе «проповедей»⁶³. Существует мнение, что этот текст предназначался для публичного обсуждения в кругу мыслителей, близких к Фичино, однако никаких доказательств для подобного вывода нет. Сторонники такой точки зрения Р. Хатфилд⁶⁴ и С. Бахлер⁶⁵ исходят из того, что Фичино и его современники действительно собирались на «заседаниях» так называемой Платоновской Академии, где проводились некие диспуты. Далее исследователи – в данном случае совершенно справедливо – указывают на тот богатейший изобразительный ряд, который в ренессансной культуре Флоренции оказался связан с символикой волхвов, почему-то забывая, что самое знаменитое изображение процессии к месту Рождества было создано примерно двадцатью годами ранее⁶⁶, когда о возрождении платонизма речи идти не могло.

⁶² *Katinis* 2007. P. 120.

⁶³ *Ficinus M. De stella Magorum, cuius ductu pervenerunt ad Christum regem Israelis iam natum // Marsilii Ficini opera. I. P. 489-491.*

⁶⁴ *Hatfield* 1970. P. 128.

⁶⁵ *Buhler* 1990. P. 351.

⁶⁶ Я имею в виду «Поклонение волхвов» Беноццо Гоццолли, на котором, как известно, среди членов процессии был изображен Козимо Старший.

Несомненно, для Фичино как создателя доктрины «древней теологии» образы волхвов, носителей высокого и одновременно скрытого для простых людей знания, были чрезвычайно важны. Правда, неоплатоническое влияние, на которое особенно указывает Бахлер, в этом сочинении кажется опосредованным: в собственных спекуляциях об астрологической составляющей Рождества Фичино опирается на весьма богатую и влиятельную средневековую традицию так называемого «гороскопа Христа»⁶⁷, адептами которой был не только сожженный еретик Чекко д'Асколи, но и крупный теолог и кардинал католической Церкви Петр из Аيي, а уже в XVI веке – Джироламо Кардано.

Фичино открывает текст цитатой из Книги Чисел, в которой Ваалам предвещает будущего Мессию⁶⁸, а в то же самое время над Иудеей должна взойти «удивительная комета», истинное значение которой могли осознать только настоящие знатоки астрономии, т.е. «волхвы, среди которых находились жрецы»⁶⁹. Далее в доказательство связи между Рождеством и особенным магическим характером кометы Фичино приводит слова Оригена, который в свою очередь ссылается на некоего стойка Херемона. Последний будто бы утверждал, что при виде этой кометы язычники осознали слабость собственных демонов и решили отправиться в Иудею, дабы познакомиться с Тем, кто превосходит силой их божества⁷⁰. После этого в числе тех, кто указывает на божественность звезды волхвов Фичино упоминает «нашего платоника» Калхидия и римского историка Гая Светония Транквилла, тем самым намечая своеобразную иерархию аргументов: от Священного Писания и христианского автора Оригена до платоника Калхидия и «обычного» языческого автора Светония. Скорее всего таким образом Фичино пытается показать, что мысль об особенном значении кометы получила распространение во всех возможных источниках.

«Гороскоп Христа», чье рождение, несомненно, считалось значительным событием мировой истории, основывался на известной нам теории «великих конъюнкций». Фичино указывает, что по тому, как в декабре, в начале знака Стрельца, поднимается комета, распространяющая «золотые лучи, согласно природе Солнца, серебряные согласно природе Юпитера и смешанные согласно природе Венеры», волхвы осознали, что это небесное явление обещает что-то особенное. Со-

⁶⁷ Главное исследование по этой интересной теме: *Pompeo Faracovi* 1999.

⁶⁸ *Ficinus M. De stella Magorum*. P. 489. Ср.: *Чис.*, 24:17.

⁶⁹ *Ibidem*.

⁷⁰ *Ibidem*. Ср.: *Ориген*. Против Цельса. 1. LX.

гласно теории «великих конъюнкций», свойства этих трех планет имеют наиболее весомое и позитивное влияние, что привело к мысли об исключительности грядущего «справедливейшего и милосерднейшего царя, которого ждет величайшая слава»⁷¹.

Фичино уверен, что подобная комета имеет не природное, а божественное происхождение, и даже предполагает возможное ангельское (или архангельское) участие. По его мнению, эту звезду мог привести в движение и наполнить светом архангел Гавриил, ранее возвестивший Захарии об Иоанне и Марии об Иисусе. Интересно, что Фичино указывает на влияние этого же ангела на прочие события из жизни Христа: на «просвещение умов спящих волхвов» о необходимости бежать в Египет и на затмение, произошедшее при Распятии⁷². Возможно, это доказывает, что он считал архангела Гавриила демоном (в неоплатоническом прочтении, разумеется) Христа, хотя для подобных смелых и достаточно провокационных заявлений у нас нет достаточных оснований.

Кроме того, астрологическими данными Фичино объясняет тот факт, что восточные жрецы узнали о Рождестве Христа от чистой Девы. Надо сказать, что астрологическое объяснение девства Марии встречается еще в средневековой традиции⁷³, поэтому говорить о новизне этого фрагмента сочинения Фичино не приходится. Фичино замечает, что никакой другой знак не соответствует девственным родам более, чем Дева, восходившая в момент рождения Христа. Далее, пользуясь расчетами Абу Машара, Фичино приходит к выводу, что преобладающим при рождении Иисуса был первый «лик» или «декан» Девы: он соответствует образу «прекраснейшей, сидящей девы, которая вскармливает грудью ребенка»⁷⁴.

Как видим, оба основных мотива астрологических спекуляций в трактате «О звезде волхвов» – собственно Рождество и картина неба в тот момент и элементы, доказывающие девство Марии – не несут никакого отпечатка новых, неоплатонических влияний; они всецело находятся в русле средневековой традиции. Найти этому объяснение трудно. Тем не менее обращает на себя внимание подход, который Фичино применяет при астрологической интерпретации Библейской истории. Он не стремится объяснить Рождество исключительно при помощи аст-

⁷¹ *Ficinus M. De stella Magorum. P. 489.*

⁷² *Ibid. P. 490.*

⁷³ В частности, такая трактовка встречается у Абу Машара: *Abū Ma'šar al-Balhī [Albumasar]. VI. Cap. I. P. 260-264.*

⁷⁴ *Ficinus M. De stella Magorum. P. 491.*

рологии; наоборот, для него астрология служит лишь дополнительным свидетельством истинного Мессии, а звезда волхвов – всего лишь знаком вочеловечивания Господа, но никак не его причиной. И в этом отношении он не слишком далеко ушел от своих предшественников (например, того же Петра из Аيي), которые воспринимали астрологию сходным образом. Стремление найти непротиворечивые связи между оккультизмом и христианством никуда не исчезло.

Таким образом, первые астрологические опыты Фичино в целом не испытали сколько-нибудь ощутимого влияния неоплатонизма. Хотя к этому моменту флорентийский мыслитель уже многие годы находился «в плену» платоновской философии и наследия «древних теологов», эти источники нашли отражение лишь в нескольких фрагментах «Рассуждения». Но во второй половине 1480-х годов и позднее ситуация меняется. Вполне вероятно, что только после публикации диалогов Платона в 1484 г. у Фичино появилась возможность полноценно использовать новое для своего читателя учение в собственных трудах, посвященных астрологии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Marsilii Ficini florentini de Christiana religione liber // Marsilii Ficini florentini, insignis philosophi platonici, medici atque theologi clarissimi opera. Basileae: ex officina Henricpetrina, 1576. P. 1-77.
- Ficino M.* Disputa contro il giudizio degli astrologi, di Marsilio Ficino, fiorentino // Idem. Scritti sull'astrologia / A cura di O. Pompeo Faracovi. Milano: BUR, 1999. P. 49-174.
- Ficino M.* Libro del Sole di Marsilio Ficino, al magnanimo Piero de' Medici // Idem. Scritti sull'astrologia. Milano: BUR, 1999. P. 185-215.
- Ficino M.* Platonic Theology. 6 Vol. / English transl. by M.J.B. Allen with J. Warden. Latin text ed. by J. Hankins with W. Bowen. Cambridge, Massachusetts; London: Harvard University Press, 2001–2006.
- Ficino M.* La religione cristiana. Roma, 2005.
- Ficino M.* Teologia platonica / A cura di E. Vitale. Milano: Bompiani, 2011.
- Ficino M.* Théologie platonicienne de l'immortalité des âmes / Ed. par R. Marcel. Paris: Les belles lettres 1964–1970.
- Ficino M.* Three Books on Life / A Critical Edition and Translation with Introduction and Notes by C.V. Kaske and J.R. Clark. Tempe, Arizona: Medieval and Renaissance Texts and Studies, 1998.
- Abū Ma'Šar al-Balhī [Albumasar].* Liber introductorii maioris ad scientiam judiciorum astrorum / Ed. R. Lemay. 9 vol. Napoli: Istituto universitario Orientale, 1995–1996.
- Baron H.* Willensfreiheit und Astrologie bei Marsilio Ficino und Pico della Mirandola // Kultur und Universalgeschichte. Festschrift für Walter Goetz. Leipzig; Berlin: Teubner, 1927. S. 145-170.
- Brown A.* The Return of Lucretius to Renaissance Florence. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2010. 160 p.
- Buhler S.M.* Marsilio Ficino's *De stella magorum* and Renaissance Views of the Magi // Renaissance Quarterly. Vol. 43. № 2. Summer 1990. P. 348-371.

- Clydesdale R.* Jupiter tames Saturn: Astrology in Ficino's *Epistolae* // *Laus Platonici Philosophi. Marsilio Ficino and His Influence* / Ed. by S. Clucas, P.J. Forshaw and V. Rees. Leiden; Boston: Brill, 2011. P. 117-131.
- Förstel C.* Marsilio Ficino e il Parigino greco 1816 di Plotino // *Marsilio Ficino: fonti, testi, fortuna* / A cura di S. Toussaint e S. Gentile. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 2006. P. 65-88.
- Hankins J.* Galileo, Ficino and Renaissance Platonism // *Humanism and Early Modern Philosophy* / Ed. by J. Kraye and M.W.F. Stone. L.: Routledge, 2000. P. 209–237.
- Hatfield R.* The Compagnia de' Magi // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. Vol. 33. 1970. P. 107-161.
- Katinis T.* Medicina e filosofia in Marsilio Ficino. Il *Consilio contro la pestilentia*. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 2007. 220 p.
- Knox D.* Ficino and Copernicus // *Marsilio Ficino: his Theology, His Philosophy, His Legacy* / Ed. by M. J. B. Allen and V. Rees with M. Davies. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002. P. 399-418.
- Knox D.* Ficino, Copernicus and Bruno on the Motion of the Earth // *Bruniana & Campanelliana*. Vol. 5. 1999. P. 333-366.
- Kristeller P.O.* Supplementum Ficinianum. Vol. II. Firenze: Olschki, 1937.
- Pompeo Faracovi O.* Destino e fato nelle pagine astrologiche di Marsilio Ficino // *Nella luce degli astri: l'astrologia nella cultura del Rinascimento* / A cura di O. Pompeo Faracovi. Sarzana: Agorà, 2004. P. 1-24.
- Pompeo Faracovi O.* Gli oroscopi di Cristo. Venezia: Marsilio, 1999. 190 p.
- Saffrey H.D.* Florence, 1492: The Reappearance of Plotinus // *Renaissance Quarterly*. 1996. Vol. XLIX. № 3. P. 488-508.
- Seymore J. A.* The Life of Ibn Riḍwān and His Commentary on Ptolemy's *Tetrabiblos*. Ph.D. Dissertation, Columbia University, 2001.
- Snyder J.G.* Marsilio Ficino's Critique of the Lucretian Alternative // *Journal of the History of Ideas*. 72. 2011. P. 165-181.
- Toussaint S.* Introduction // *Plotini Opera omnia. Cum latina Marsilii Ficini interpretatione et commentatione. Fac-similé de l'édition de Bâle, Pietro Perna, 1580*. Villiers-sur-Marne: Phénix Éditions, 2005. P. I–XXI.
- Walker D.P.* Ficino and Astrology // *Marsilio Ficino e il ritorno di Platone. Studi e documenti* / A cura di G.C. Garfagnini. Firenze: Olschki, 1986. Vol. 2. P. 341-349.
- Wolters A.M.* The First Draft of Ficino's Translation of Plotinus // *Marsilio Ficino e il ritorno di Platone*. 1986. Vol. I. P. 305-329.
- Акопян О.Л.* Платон и Ренессанс: “древняя теология” и примирение с Аристотелем // *Платоновский сборник (Приложение к Вестнику Русской христианской гуманитарной академии. Т. 14. 2013)*. М.; СПб.: РГГУ–РХГА, 2013. Т. 2. С. 320–340.
- Кудрявцев О.Ф.* Флорентийская Платоновская Академия. Очерк истории духовной жизни ренессансной Италии. М.: Наука, 2008. 479 с.

BIBLIOGRAFIJA

- Marsilii Ficini florentini de Christiana religione liber* // *Marsilii Ficini florentini, insignis philosophi platonici, medici atque theologi clarissimi opera*. Basileae: ex officina Henricpetrina, 1576. P. 1-77.
- Ficino M.* Disputa contro il giudizio degli astrologi, di Marsilio Ficino, fiorentino // *Idem. Scritti sull'astrologia* / A cura di O. Pompeo Faracovi. Milano: BUR, 1999. P. 49-174.

- Ficino M.* Libro del Sole di Marsilio Ficino, al magnanimo Piero de' Medici // Idem. Scritti sull'astrologia. Milano: BUR, 1999. P. 185-215.
- Ficino M.* Platonic Theology. 6 Vol. / English transl. by M.J.B. Allen with J. Warden. Latin text ed. by J. Hankins with W. Bowen. Cambridge, Massachusetts; London: Harvard University Press, 2001–2006.
- Ficino M.* La religione cristiana. Roma, 2005.
- Ficino M.* Teologia platonica / A cura di E. Vitale. Milano: Bompiani, 2011.
- Ficino M.* Théologie platonicienne de l'immortalité des âmes / Ed. par R. Marcel. Paris: Les belles lettres 1964–1970.
- Ficino M.* Three Books on Life / A Critical Edition and Translation with Introduction and Notes by C.V. Kaske and J.R. Clark. Tempe, Arizona: Medieval and Renaissance Texts and Studies, 1998.
- Abū Ma'Šar al-Balhī [Albumasar].* Liber introductorii maioris ad scientiam judiciorum astrorum / Ed. R. Lemay. 9 vol. Napoli: Istituto universitario Orientale, 1995–1996.
- Baron H.* Willensfreiheit und Astrologie bei Marsilio Ficino und Pico della Mirandola // Kultur und Universalgeschichte. Festschrift für Walter Goetz. Leipzig; Berlin: Teubner, 1927. S. 145-170.
- Brown A.* The Return of Lucretius to Renaissance Florence. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2010. 160 p.
- Buhler S.M.* Marsilio Ficino's *De stella magorum* and Renaissance Views of the Magi // Renaissance Quarterly. Vol. 43. № 2. Summer 1990. P. 348-371.
- Clydesdale R.* Jupiter tames Saturn: Astrology in Ficino's *Epistolae* // Laus Platonici Philosophi. Marsilio Ficino and His Influence / Ed. by S. Clucas, P.J. Forshaw and V. Rees. Leiden; Boston: Brill, 2011. P. 117-131.
- Förstel C.* Marsilio Ficino e il Parigino greco 1816 di Plotino // Marsilio Ficino: fonti, testi, fortuna / A cura di S. Toussaint e S. Gentile. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 2006. P. 65-88.
- Hankins J.* Galileo, Ficino and Renaissance Platonism // Humanism and Early Modern Philosophy / Ed. by J. Kraye and M.W.F. Stone. L.: Routledge, 2000. P. 209–237.
- Hatfield R.* The Compagnia de' Magi // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. Vol. 33. 1970. P. 107-161.
- Katinis T.* Medicina e filosofia in Marsilio Ficino. II *Consilio contro la pestilentia*. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 2007. 220 p.
- Knox D.* Ficino and Copernicus // Marsilio Ficino: his Theology, His Philosophy, His Legacy / Ed. by M. J. B. Allen and V. Rees with M. Davies. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002. P. 399-418.
- Knox D.* Ficino, Copernicus and Bruno on the Motion of the Earth // Bruniana & Campanelliana. Vol. 5. 1999. P. 333-366.
- Kristeller P.O.* Supplementum Ficinianum. Vol. II. Firenze: Olschki, 1937.
- Pompeo Faracovi O.* Destino e fato nelle pagine astrologiche di Marsilio Ficino // Nella luce degli astri: l'astrologia nella cultura del Rinascimento / A cura di O. Pompeo Faracovi. Sarzana: Agorà, 2004. P. 1-24.
- Pompeo Faracovi O.* Gli oroscopi di Cristo. Venezia: Marsilio, 1999. 190 p.
- Saffrey H.D.* Florence, 1492: The Reappearance of Plotinus // Renaissance Quarterly. 1996. Vol. XLIX. № 3. P. 488-508.
- Seymore J. A.* The Life of Ibn Rīdḡān and His Commentary on Ptolemy's *Tetrabiblos*. Ph.D. Dissertation, Columbia University, 2001.

- Snyder J.G.* Marsilio Ficino's Critique of the Lucretian Alternative // *Journal of the History of Ideas*. 72. 2011. P. 165-181.
- Toussaint S.* Introduction // *Plotini Opera omnia. Cum latina Marsilii Ficini interpretatione et commentatione. Fac-similé de l'édition de Bâle, Pietro Perna, 1580. Villiers-sur-Marne: Phénix Éditions, 2005. P. I–XXI.*
- Walker D.P.* Ficino and Astrology // *Marsilio Ficino e il ritorno di Platone. Studi e documenti / A cura di G.C. Garfagnini. Firenze: Olschki, 1986. Vol. 2. P. 341-349.*
- Wolters A.M.* The First Draft of Ficino's Translation of Plotinus // *Marsilio Ficino e il ritorno di Platone. 1986. Vol. I. P. 305-329.*
- Akopjan O.L.* Platon i Renessans: "drevnjaja teologija" i primirenje s Aristotelem // *Platonovskij sbornik (Prilozhenie k Vestniku Russkoj hristianskoj gumani-tarnoj akademii. T. 14. 2013). M.: SPb.: RGGU–RHGA, 2013. T. 2. C. 320–340.*
- Kudrjavcev O.F.* Florentijskaja Platonovskaja Akademija. Oчерk istorii duhovnoj zhizni renessansnoj Italii. M.: Nauka, 2008. 479 c.

Акопян Ованес Львович, аспирант Центра по изучению Ренессанса, Уорикский Университет, Великобритания; ovanes.akopyan@gmail.com.

Marsilio Ficino's Astrology and medieval tradition

The article is dedicated to astrological views of Marsilio Ficino. In its first part, the analysis is based on Ficino's works, written before 1484, i. e., before the publication of Plato's dialogues in Ficino's translation, while in the second part of the article I shall examine his late treatises, full of Neoplatonic elements. First astrological works by Ficino were not influenced by Neo-Platonism. Although by that time the Florentine philosopher had been 'enslaved' by Platonism and the legacy of 'Ancient theologians', these sources were used only in a few fragments of the 'Discourse'. This situation changed in the late 1480s. It is quite likely that only after the publication of the dialogues by Plato in 1484 Ficino could use his philosophy in the works on astrology.

Keywords: Renaissance, Marsilio Ficino, Plato, Neoplatonism, Astrology, Magic.

Ovanes Akopyan, PhD candidate, Centre for the Study of the Renaissance, University of Warwick, United Kingdom; ovanes.akopyan@gmail.com.